

Вторую неделю с августа на сентябрь сплошные тучи смывали позолоту с остывающего солнца. Губительный зной принесло оно в это лето. В апреле, в двух шагах от зимы, когда только-только поредели метельи космы, все звали солнышко, а оно едва теплилось белёсым пятном в мглстой вышине.

– Весна нынче поздняя, – с сожалением говорили друг другу люди и томились в ожидании оранжевых лучей. Опостылевший же снег дряхлел и чах, но совсем не отходил и кое-где в тенистых местах утаился до разбухших рогатинок на тополях. До предела разбухли они под занавес первой майской декады. Тут, наконец, и обласкал их горячий небесный рыжик. Клейкая шелуха стала бесполезным мусором, а ветки сплошь покрылись влажными зелёными язычками.

Весь день за днём неизменно голубела, мир преобразился, в душах царила беспричинная радость. И одно казалось совершенно бесспорным: всё плохое ушло в прошлое вместе с морозами. Солнце же принесло новое, хоро-

шее – и жить совсем скоро станет лучше.

Сначала жара прикончила травы. За май, июнь, а потом и июль земля не приняла от неба ни дождинки. Тощий сенокос сулил коровкам к первым заморозкам длинные ножи.

Хлебным полям повезло не больше. Они, дав короткий стебель, вскоре загрузили, затем затосковали и пожелтели во младенчестве. Задолго до уборочной предусмотрительное радио уже подготавливало народонаселение: «Неурожай может вызвать рост цен на хлеб».

Губительный зной лютовал всё лето. И вот, когда от августа остались крохи, небо опомнилось: теперь вторую неделю воздух морщился без перерывов от мелкой водяной ряби.

– От ить зарядил, будь неладен, – бормотала сухонькая, невысокая старушка в старом тёмно-синем плаще с большими чёрными пуговицами. Она двигала по тропинке безразмерные галоши, богато облепленные жирной огородной землёй. Грязь. Прошаркав через шесть своих соток, похожих на

кашу-размазню из чёрных зёрен, старушка оказалась на крыльце дома и взялась за дверную ручку. – До конца всё сгноит.

– Здравствуй, баба Дуня! – крикнул с дороги высокий русоволосый парень лет двадцати. Он как раз проходил мимо под чёрным зонтом.

– Это кто это? – повернулась на голос старушка. – Не разгляжу далеко...

– Да я это, Лёшка Печёнкин, – ответил парень и простодушно улыбнулся, показав сразу все свои ровные и белые, как фарфоровые, зубы.

– Это Лёшка-то? – ухватилась баба Дуня за деревянные перильца на две ступеньки. – Ты погодь-ка, погодь, мне два словечка тебе...

И она потянула к калитке свои тяжёлые галоши. Лёшка свернул с дороги и, стараясь не наступить в самую грязь, зашагал навстречу.

– Чего тебе, баб Дунь? – подошёл он первым.

– Я тебя чего спросить-то хотела, – подросла к калитке и сразу опёрлась на неё старушка. – Ты Тольку Рыжова давно видал?

– Да, кажись, весной ещё, – припомнил Лёшка, – а чего ты про него?

– Вот и именно, что весной, – ответила баба Дуня и почему-то Лёшке погрозила согнутым указательным пальцем. – В апреле ажно вчер у меня забрал, калоши обещал привезти – и нету, ни Тольки, ни калош... бесстыжий.

– А-а, ты про ваучер, – сообразил Лёшка, – так он их тогда по десятке у всех скупал. Чего ж ты у него деньги не взяла?

– Так он же калоши мне новые обещал, вот я и жду. Мои-то худы совсем, поистрескались давно, а эти от Вани мово остались, здо-

ровенные. Так и в них уж дырки, чулки-то у меня мокры все. Как же жить с такими калошами?

– Ну-у, баб Дунь, Толька уж и думать забыл про твои калоши. Он на тех бумажках, что по десятке стоили, большие деньги заработал и много-много магазинов открыл, лампочки продаёт.

– Так что ж он мне калоши-то новые не привёз? Куды я в таких? – пыталась старушка покорно слушающего Лёшку. – Ботва, вон, залякла совсем, картоху скоро копать, а я в калошах худых по грязюке...

– Да-а, дожди одолели...

– Так вот...как напасть какая. И в курятнике тоже, булькат и булькат, булькат и булькат. Жестина-то на крыше завернулась, крыша бежит. Я тазы ставлю, а полны выносить – руки не дёржут. Ковшиком черпаю да черпаю, а курочки мои в воде ходят.

Баба Дуня говорила и смотрела на Лёшку так, как смотрят на наконец-то приехавшего врача «скорой помощи». Он приехал и привёз с собой чемоданчик, в котором обязательно есть то самое спасительное лекарство. А Лёшке почему-то вспомнилось сейчас, как мамка говорит ему семилетнему: «Ты сестрёнке младшенькой оставил конфет или сам все съел?»

– Ты, баб Дунь, глянь, промокла вся, – сказал он старушке, – и платочек, и плащ у тебя насквозь. Иди в дом, обогрейся, а я сейчас до дому и вернусь, крышу твою посмотрим. У деда Ивана инструмент остался какой-нибудь?

– А ты в кладовке в сенях-то поройся. Я с похорон с самых там ничего и не перекладывала, только банку каку или крупу. Всё как было.

– Ну, так и иди в дом, хватит мокнуть.

– Так придёшь, что ль?

– Приду, приду, щас, до дому схожу, – повернул Лёшка от ка-литки.

Где-то через час в резиновых сапогах, затёртых джинсах, старой куртке и серенькой кепке он вер-нулся. Баба Дуня в дом не зашла и ждала его на крыльце под навесом.

– Ты так и мокнешь стоишь, – покачал головой подошедший Лёшка.

– Так тут-то мне не мокро, – ответила старушка, – тебя вот до-ждалась.

– Так ты давно уж промокла... иди, иди, заболеешь ещё. Я щас гляну, чего там у тебя с курятни-ком, а потом в кладовке инстру-мент посмотрю. Чего спросить, так я зайду.

Баба Дуня потихоньку повер-нулась и пошла в дом, а Лёшка направился смотреть старушки-ны постройки. Они стояли за до-мом у огорода: просторный са-рай, ныне пустой, и сбоку к нему небольшой курятник. Всё ста-рое, из видавшего виды дерева. Высоты птичье жильё оказалось такой, что Лёшка прямо с зем-ли разглядел причину куриного бедствия: крайние доски обрешётки сгнили и отпустили гвоз-ди, а ветер, конечно, приподнял и заломил лист жести. Вот кры-ша и протекла.

– Так, понятно, – рассуждал сам с собой Лёшка, – теперь бы ещё найти, чем заменить.

Во дворе рядом ничего под-ходящего не было, и парень от-правился в сарай. За дощатой, со скрипом открывшейся дверью царили неподвижность и тиши-на. Только мелкие капли дождя колко царапали крышу. Пахло

пылью, и слабый дневной свет с улицы сочился в частые узкие щели в стенах. Один угол в сарае оставался отгороженным, хотя уже много лет баба Дуня свиней не держала. А в другом углу на попа стояли три двухметровые доски.

– Вот они, тесинки, красавицы, – сразу увидел их Лёшка, – как на заказ. Молодец дед Иван, запаса-я же.

Оставалось найти инструмент да уже и заняться самой крышей. В той кладовке в дальнем углу се-ней, о которой говорила баба Дуня, нашлись старая пила, молоток, гвозди. Лёшка взял всё это и сно-ва отправился под дождь, а через час, промокший так, что вода под одеждой текла по его телу везде и всюду, зашёл в дом.

– Всё, баб Дунь, – заулыбал-ся он с порога, – не текёт больше твой курятник.

– Никак, залатал уже? – встре-тила его старушка. На ней была чёрная кофта поверх длинного пё-строга платья. Невесомые седые волосы под белым платочком.

– Ага, теперь всё ладом. Ин-струмент я обратно в кладовку по-ложил. – Лёшка стоял у порога, и с его куртки и штанов обильно ка-пало на красно-серую полосатую самотканую дорожку. – Ну, ладно, теперь домой пойду.

– Куды ж ты такой?! – запроте-стовала баба Дуня. – Измок весь... Сымай, давай, мокроту с себя, щас сухое дам.

– Да ладно тебе, мне до дому два шага...

– Сымай, не спорь. Чай с пря-никами будем пить, и награду одну хочу тебе дать, за сердце доброе.

Баба Дуня пошла в комнату к старомодному светлому лакиро-ванному шифоньеру, а у Лёшки от

неожиданного разговора загорелись щёки. Пока старушка ходила в комнату, он сконфуженно мялся на одном месте.

– На вот, штаны и рубаху, – вернулась она и положила на ближний к Лёшке табурет сухую одежду, – переоденься. Мокрое прям тут на пол скинь. А обутки твои где?

– За дверями в сенях. Да они сухие...

– А застынут там, так ногам пошла холодно будет.

– Да не-е, нормально.

– Ну, переодевайся да к столу иди.

Сказала и ушла за шторы на дверном проёме в комнату. Лёшка спешно, суетливо снял с себя мокрую одежду и надел сухую. «Какая она белая, – подумал о рубашке, – прямо нарядная». Ткань мягко легла на плечи.

– Ты зачем рубашку-то такую хорошую? – раздвинул Лёшка шторы. – Дала бы старенькую какую-нибудь.

– Проходи, усаживайся, – ответила баба Дуня.

Она уже сидела за небольшим прямоугольным столом по центру небольшой прямоугольной комнаты. Белая скатерть, две белые чашки на белых блюдцах, белая круглобокая сахарница, белая тарелка с пряниками, красный пузатый чайник с чёрным свистком на коротком носике. Вот и всё, что было. Ещё зелёная коробочка с пакетиками чая.

– Зачем, говорю, рубашку-то такую белую, хорошую? – повторил Лёшка, разворачивая к себе стул с высокой спинкой.

– Так и хотела самую белую, самую нарядную. Смотри, как тебе в пору пришлась, – дрогнувшим голосом произнесла старушка. Взгляд её остановился, замер на

Лёшке, словно она видела что-то невидимое. – Петеньки, сыночка моего, рубашка...

– А-а... – бессмысленно, машинально акнул Лёшка и почувствовал, как кожу на плечах лизнул холодок.

– Ты не пужайся, – посмотрела баба Дуня в его серо-голубые глаза, – она ить новая совсем. Петенька и надеть-то её не успел ни разу. Всё праздника хотел. Говорил, вот заработает денег много, тогда и праздник будет. Уехал за ними на Севера, да и не вернулся, сгинул на Северах этих проклятых. Одна рубашка нарядная для праздника в шкафу осталась.

Баба Дуня замолчала и часто-часто заморгала. Морщинистое лицо её сморщилось ещё больше, щёки дёрнулись, губы задрожали. Лёшка смотрел и думал: «Сейчас заплачет».

Старушкины глаза, уже маленькие от старости, сами – как две слезинки, готовы были пролиться на морщины. Они искрились, отражая дневной свет, две последние росинки бесценных духов. И как только они иссякнут, улетучатся, сразу же остановится и будет предан тлену уставший от долгой службы хранящий их сосуд.

Баба Дуня не заплакала.

– Слёзки мои горе высосало. Нету больше слёз. Я по сыночке моему сердцем плачу. Кровь у меня горячая, в груди пекёт да жгётся. – Помолчали. – Ой, чего ж я замаяла тебя совсем горечами своими, – спохватилась баба Дуня. – Лей в чашки-то, кипяток стынет.

Лёшка взял чайник. Заварили пакетики, положили сахар. Стали пить чай.

– А кто тебе в магазин ходит? – спросил он, откусывая пряник.

– Да то сама доплетуся, то из соседей кто чего купит, как попрошу.

– Тяжело одной...снег скоро повалит...

– Какой уж год. С людьми-то куды ни шло, а одной, так тока сгинуть. Ты и сам тожа, чурки мне в прошлом годе колол. Щас вот опять...

– Да ладно тебе, – смутился Лёшка.

– А мне без этих-то ладно не прожить, никак иначе. Тока в дом казённой, для стариков, а я не хочу.

– Я в новостях в прошлом году слышал, что в каком-то городе в доме престарелых четверо стариков прямо в кроватях под одеялами насмерть замёрзли. Не топили.

– Вон как... страсть какая. Пушай, как повернёт, а уж лучшей дома. Да и осталось-то мне малым-мало. Сон часто вижу, будто поле – ромашки, васильки. И мы там с Ваней моим, молоденьки совсем. Стоим, улыбаемся, смотрим друг на дружку. Наверно, скоро уж пойду к нему. И сыночка мой, мож живой где, а мож с Ваней там, так свидимся...

Губы у старушки опять задрожали.

– Да, баб Дунь, – проглотил Лёшка заполнивший горло горячий комок, – ты ещё вон бодрая какая, живи да живи. Люди-то помогут.

– Жгёт в груди моей, сил нету. Да и жить мне не для ково, одна совсем. – Баба Дуня достала из кармана платья большую серую монету. – Вот, это тебе награда от меня, монета старинная щасливая, – подала Лёшке.

Он взял. На затёртом сером круге просматривался двуглавый орёл.

– Да не-е, баб Дунь, не надо, за чем, тебе ещё самой пригодится, – хотел вернуть монету.

– Ты, дитятко, не противься, – старушка выставила перед собой ладонь. – Она тебе надобна, а мне нет. И отдать мне её больше некому.

– А сыну с собой почему не отдала?

– Вот, не дала судьба. Как ему ехать, так сыскать её не могли. А посла, как пропал, так сама собой на видном месте обнаружилась.

– Ты забери её, может, вернётся ещё.

– Коль жив, да об себе весточки за столь годков не подал, так, знать, и без монетки этой ему хорошо живётся. Ты бери, а ждательто я и без неё всегда буду. Бери и живи хорошо.

Лёшка замолчал. Смотрел на двуглавого орла и не знал, что делать.

– Спасибо, баб Дунь, – сказал после молчания и сжал монету в кулаке, – я её беречь буду.

– Вот и ладно.

– Ну, я пойду...спасибо за чай...

– Тебе спасибо, помог-то мне как. Я там на вешалке плащик сухой повесила, так ты одень. Он тебе впору будет. А одёжку твою я просушу, ты посла заберёшь.

Они встали из-за стола, вышли к дверям. Лёшка надел старомодный бежевый плащ с погончиками. Правда, как раз.

– Баб Дунь, а ты какой размер калоши носишь? – спросил перед самой дверью.

– Так, самый малый, сынок, самый малый.

Лёшка шагнул на крыльцо.

– О, баб Дунь, пока мы чай пили, дождик кончился.

– Вот, есть Бог на свете, и наладится всё.